

Категория «правонарушение» в психологической теории права

Аннотация. Статья посвящена анализу категории правонарушения в рамках психологической теории права на примере трудов выдающихся отечественных мыслителей — Льва (Леона) Иосифовича Петражицкого и Вениамина Михайловича Хвостова. Анализируется взаимосвязь нравственности и права с точки зрения последствий их нарушения, заключающихся в соответствующих этических переживаниях, рецидивах соответствующих этических процессов и их восприятия со стороны окружающих. Исследуются психологические законы, отличающие право от нравственности и формы их проявлений. В контексте воззрений В. М. Хвостова приводится и исследуется его авторская дефиниция понятия правонарушения, а также раскрываются его признаки — деяние, противоправность, вменяемость субъекта. Анализируются представления исследователя о субъективной и об объективной сторонах и об их формах посредством сопоставления с действовавшими в то время законодательными нормами Уголовного уложения 22 марта 1903 г. В заключение на основе анализа указанного круга вопросов формулируются обобщающие выводы.

Ключевые слова: правонарушение, стремление достигнуть осуществления права, одиозно-репрессивные начала правовой психики, деяние, вменяемость, противоправность, гражданская неправда, уголовная неправда, административная неправда, умысел, неосторожность, оконченное преступление, покушение, приготовление.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.019-026

В начале XX в. в отечественной юридической науке в рамках соответствующих правовых школ сложился ряд классических доктринальных подходов к пониманию права. К числу наиболее известных направлений относится психологическая школа права, представители которой выводили право из внутренних переживаний людей, их правовых эмоций, возникающих

в процессе совместной коммуникации. Одним из апологетов данного подхода к пониманию права был известный ученый Лев (Леон) Иосифович Петражицкий (1867—1931)¹, который внес существенный вклад не только в развитие учения о праве в целом, но и в теорию правонарушения.

Отмечая отсутствие единообразного понимания права, Л. И. Петражицкий полагал, что

¹ См., например: Спиридонов Л. И., Честнов Л. И. Л. И. Петражицкий: жизнь и научное наследие // Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. С. 3—18.

© Егоров А. А., 2019

* Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Egorov.a90@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

установление всех прочих понятий в правове-
дении напрямую зависит от выработки наукой
понятия права, в рамках которого он усматри-
вал выделение двух категорий². В первую оче-
редь речь идет о различных видах и типологии
права. Оперируя современной юридической
терминологией, можно говорить об отрасле-
вой типизации права. Ко второй же категории
относятся предметы, существование которых
определяется квалификацией с точки зрения
права. Л. И. Петражицкий приводит в пример
понятие правонарушения.

Феномен правонарушения рассматривает-
ся им через призму отличающегося от права
поведения, квалификация которого в качестве
неправомерного определяется на основании
двух критериев. Это поведение противоречит
требованиям норм права и запрещается зако-
нодательством³. Признавая взаимосвязь права
и нравственности, Л. И. Петражицкий отстаи-
вал тезис, согласно которому ряд последствий
нарушения долга согласно общим, родовым
свойствам, характерным для всех этических
переживаний — как правовых, так и нравствен-
ных, являются общими для этих двух социаль-
ных регуляторов⁴. Следовательно, в результате
нарушения как правовых, так и нравственных
норм возникают общие этические переживания
в виде внутренних эмоциональных коллизий,
приступов и усиления эмоций, внутреннего
беспокойства и отрицательных чувств. В ряде
случаев возможно запоминание, обусловлен-
ное сильными эмоциями, образами содеянного,
страданиями жертвы и т.д.

По мнению Л. И. Петражицкого, подобные
рецидивы этических процессов и порождаемые
ими страдания преследуют правонарушителя

в течение многих лет, а то и всей оставшейся
жизни. Иногда они ведут к быстрому истоще-
нию организма, разрушают здоровье и влекут
смерть или приводят к отчаянию и доводят до
самоубийства⁵. Нарушение долга не влечет за
собой непоправимого вреда, так как существует
возможность устранить наступившее послед-
ствие, т.е. вернуться к прежнему положению дел
(например, возратить похищенное). Повторные
приступы этических переживаний служат по-
буждающим мотивом для устранения послед-
ствий и порождают повторную борьбу эмоций,
которая кончается новым триумфом ранее побе-
дивших эмоций⁶. Анализируя это умозаключе-
ние, современный исследователь Е. Л. Поцелуев
приходит к выводу, что Л. И. Петражицкий имел
в виду хорошо известную на сегодняшний день
возможность исправления правонарушителя
без привлечения его к юридической ответств-
ности⁷. Этот постулат актуален для сферы как
международного, так и национального права.

Л. И. Петражицкий важную роль отводил
воздействию последствий правонарушающе-
го поведения на психику окружающих. Личное
восприятие совершенного правонарушения или
наличие сведений о нем порождают в психи-
ке других людей авторитетно-порицательные
эмоции, отрицательные чувства и недоволь-
ство по отношению к виновному, что находит
свое выражение в устных порицаниях с авто-
ритетным оттенком⁸. Осознавая наличие воз-
можности устранения последствий содеянно-
го, окружающие люди начинают сопереживать
в пользу исправления преступника⁹. Сущност-
ные различия между правовой и нравственной
психикой предопределяют соответствующие
различия в контексте реакции на совершенное

² Лифшиц А. С. Краткий курс по энциклопедии права. По произведениям проф. Л. И. Петражицкого. СПб., 1908. С. 1.

³ Лифшиц А. С. Указ. соч. С. 2.

⁴ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 140.

⁵ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 140.

⁶ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 141.

⁷ Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.) : монография. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. С. 91.

⁸ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 141.

⁹ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 141.

нарушение. Подобные рассуждения подводят Л. И. Петражицкого к мысли о существовании двух психологических законов, которые свойственны только праву и не действуют в рамках нравственности. Первый закон отражает стремление достигнуть осуществления права вне зависимости от желания или нежелания обязанного лица.

Правовые эмоции, имеющие атрибутивную природу, определяют наличие корреспонденции прав и обязанностей. Соответственно, исполнение обязательства одной стороны рассматривается другой стороной через категорию должного. Таким образом, обязанное лицо не имеет свободы выбора модели поведения в данном случае. Отказ от исполнения своей обязанности являет собой нетерпимый и недопустимый произвол и порождает потребность заставить обязанное лицо подчиниться или достичь осуществления права помимо его воли. Данное свойство правовой психики проявляется в ряде случаев.

Первое проявление состоит в словесных побуждениях обязанных лиц к исполнению должного, а также в устных или письменных к ним обращениях авторитетно-повелительного характера со стороны уполномоченного субъекта¹⁰. Правообладатель, заявляя притязания, не просит, а требует что-либо исполнить. Л. И. Петражицкий полагает, что сущность прав кредитора состоит не в наличии возможности обратиться к должнику с соответствующими словесными побуждениями, которые последний обязан терпеть, а в том, что он вправе получить должное безо всяких словесных побуждений¹¹. Вместе с тем в ряде случаев авторитетно-повелительные требования могут не исполняться. Это обстоятельство логически подводит ученого к следующему возможному проявлению первого закона.

Так как заявленные требования могут не исполняться, появляется возможность при-

менения более решительных мер, состоящих, в частности, в угрозах, завладении имуществом обязанных лиц в целях принудить данных лиц к соблюдению требуемого от них поведения¹². Такие меры на сегодняшний день представляются архаизмом и, как правило, не получают законодательного закрепления. Л. И. Петражицкий, закрепляя возможность их применения, оговаривается, что иногда и этого недостаточно.

По мнению Л. И. Петражицкого, реализовать право возможно и без согласия обязанного лица или вопреки его согласию или даже физическому сопротивлению, т.е. можно применить физическое насилие (сюда относится право охотиться, а также пасти скот в лесу соседа)¹³. Непосредственное выражение этот тезис получает в следующем проявлении рассматриваемого закона. По мнению Л. И. Петражицкого, уполномоченное лицо при отсутствии личных средств для реализации права, несмотря на противодействие обязанного лица, вправе обратиться к своей социальной группе или к органам высшей власти с жалобой и просьбой о помощи¹⁴. Таким образом, появляется возможность передать свой спор на рассмотрение третьим лицам, представляющим общественный интерес.

Анализируя проявления первого психологического закона, несложно заметить, что Л. И. Петражицкий четко намечает прообраз социального, в том числе государственного, принуждения, а также говорит об элементах и о стадиях реализации субъективного права.

Следующий психологический закон, свойственный исключительно праву, находит свое выражение в одиозно-репрессивных началах правовой психики.

Общие правила эмоциональной психики, по мнению Л. И. Петражицкого, свидетельствуют о том, что совершение действий в отношении субъекта, которые представляются ему добром или благодеянием, имеют тенденцию вызывать в психике последнего благожелательные

¹⁰ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 142.

¹¹ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 142.

¹² Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 142.

¹³ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 142.

¹⁴ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 143.

и благодарственные эмоции¹⁵. Если же такие действия представляются субъекту, на которого они направлены, злом, вредом, агрессивными действиями или посягательствами, то у него возникают злостные и мстительные эмоции¹⁶. Эти эмоции имеют тенденцию распространяться и на окружающих, так как они психически солидарны с субъектом.

Еще одной характерной особенностью правовой психики является то, что исполнение какого-либо обязательства со стороны обязанного лица представляется противоположной стороне не каким-то положительным поступком, а лишь получением того, что ей причитается. Неисполнение же обязанности квалифицируется как неполучение положенного¹⁷. Эта закономерность определяется атрибутивной природой правовой психики. Совершенно иная картина характерна для нравственности, которая, по убеждению Л. И. Петражицкого, имеет императивную природу.

В данном контексте исполнение своей обязанности, хотя и совершенное во имя нравственного долга, является не предоставлением чего-то полагающегося, не получением чего-то своего, а благодеянием. В свою очередь, неисполнение чего-либо не понимается как ущерб или агрессивное действие¹⁸. Следовательно, в области нравственной психики обеспечение материальных выгод других людей или предоставление им иных услуг порождает выражающие благодарность положительные эмоции. Неисполнение нравственного долга не влечет за собой злостно-мстительных реакций. В рамках же правовой психики исполнение какой-либо законодательной обязанности не влечет за собой благодарности. Кроме того, неисполнение обуславливает появление злостно-мстительных реакций.

Е. Л. Поцелуев отмечает, что воззрения Л. И. Петражицкого на правонарушение вполне

укладываются в рамки психологического типа понимания права. Противоправное поведение трактуется Л. И. Петражицким через призму причинения ущерба, неисполнения правовых обязанностей, нарушения запретов, что вызывает осуждение, гнев и иную отрицательную реакцию в области правовой психики¹⁹.

Категория противоправности в рамках психологической теории права получила дальнейшее развитие благодаря трудам отечественного философа, специалиста по римскому праву, социолога Вениамина Михайловича Хвостова (1868—1920).

В. М. Хвостов природу нормы права усматривал в том, что она представляет собой веление, обращенное к воле людей и определяющее поведение, которое от них требует государство²⁰. Эти нормы не должны подвергаться нарушениям как со стороны частных лиц — подданных государства, так и со стороны государства и его органов. Вместе с тем, по его мнению, они могут и нарушаться. Таким образом, исследователь сформулировал классический для современной юридической науки тезис, согласно которому право обязательно для исполнения не только для населения, но и для тех властвующих субъектов, которые его непосредственно создают.

Понятие правонарушения В. М. Хвостов определял следующим образом: «Правонарушение есть поведение лица, которое противоречит велениям права, является несогласным с налагаемым правом обязанностями»²¹. Обеспечение исполнения нормы права определяется наличием в ней санкции государственной власти, которая берет на себя заботу как предотвращать совершение правонарушений, так и восстанавливать нарушенные права. По убеждению В. М. Хвостова, именно в этом состоит назначение судебной власти в качестве функции государственной власти.

¹⁵ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 145.

¹⁶ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 145.

¹⁷ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 145.

¹⁸ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 146.

¹⁹ Поцелуев Е. Л. Указ. соч. С. 94.

²⁰ Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. Изд. 6-е. М., 1914. С. 136.

²¹ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 136.

Разделяя взгляд Л. И. Петражицкого, исследователь рассматривает акты самозащиты и самоуправства в качестве основного способа защиты частных прав на низших ступенях культурного развития. Развитое государство в минимальной мере задействует подобный инструментарий.

В. М. Хвостов, подобно Н. С. Таганцеву²², выделял уголовную и гражданскую неправду. По его мнению, общая особенность этих видов неправомерного поведения проявляется в человеческом поведении, которое противоречит правовым требованиям²³. Таким образом, общей чертой преступлений и гражданских правонарушений и, соответственно, признаком правонарушения выступает противоправность. Демаркационную линию между этими видами правонарушений исследователь проводит на основании непосредственного объекта посягательства и наступающих мер юридической ответственности. Попраение частного интереса образует обязанность для виновного восстановить прежнее положение дел, т.е. возместить ущерб. Нарушение же публичного интереса образует уголовную неправду и влечет применение наказания.

Помимо преступлений и деликтов, В. М. Хвостов упоминает административную неправду. В подобных случаях речь идет о ситуациях, когда тот или иной административный орган в процессе исполнения своих обязанностей выходит за пределы деятельности, установленные для него нормами права²⁴. Следовательно, можно говорить о том, что ученый заложил прообраз административных правонарушений, которые рассматривал очень узко и сводил сугубо к превышению компетенции административными органами. Как

известно, на сегодняшний день дефиниция правонарушения в юридической литературе раскрывается посредством перечисления существенных признаков данного социально-правового явления²⁵. Это общепринятый научный прием.

В. М. Хвостов также не обошел вниманием вопрос о признаках противоправного деяния. Отмечая, что любой преступный акт имеет форму внешнего выражения, В. М. Хвостов сводил последнюю к совершаемым вопреки правовым запретам положительным действиям и к противоречащему положительным требованиям права бездействию²⁶. Таким образом, В. М. Хвостов необходимым признаком правонарушения считал деяние, проявляющееся в формах действия или бездействия, т.е. в поведении, направленном на нарушение запретов или на неисполнение обязанностей.

Признак деяния ученый совершенно справедливо связывал с категорией субъекта противоправного поведения. Рассматривая поведение как осознанно-волевою активность субъекта права, исследователь полагал, что действие или бездействие, совершенное лицом, которое вследствие возраста или болезни не способно ясно осознавать фактическое и юридическое значение своего поведения и руководить им, равноценно действию сил природы²⁷. В этом случае, по мнению ученого, речь идет о недееспособных лицах, а с точки зрения ответственности за правонарушение — о невменяемых. Следовательно, В. М. Хвостов намечает два критерия вменяемости — социально-юридический (возраст) и медико-юридический (состояние психики). Это умозаключение на сегодняшний день прочно укоренилось в общей теории права и государства²⁸.

²² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 51—54 и сл.

²³ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 136.

²⁴ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 141.

²⁵ См., например: Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М. : Юрид. лит., 1985. С. 18 ; Макуев Р. Х. Правонарушения и юридическая ответственность. Орел : Юрид. институт МВД России, 1998. С. 29 ; Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Основы российского права. М. : Инфра-М — Норма, 1996. С. 85.

²⁶ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 136—137.

²⁷ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 137.

²⁸ См., например: Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2015. С. 382.

Исследовал ученый и субъективную сторону правонарушения. В. М. Хвостов не просто сформулировал представления об умышленной и неосторожной формах вины правонарушителя, но и раскрыл их видовой состав. Поведение правонарушителя рассматривается как умышленное в тех случаях, когда виновный осознавал все признаки правонарушающего деяния и сознательно допускал их наступление²⁹. В современной трактовке это признаки косвенного умысла. Вместе с тем деление умысла на прямой и косвенный В. М. Хвостов не предложил.

Ученый не обошел стороной совершение правонарушения по неосторожности. Данная форма вины, по его мнению, наличествует в тех случаях, когда противоречащее праву поведение имело место ввиду того, что виновный не проявил требуемой от него нормы права внимательности и осмотрительности³⁰. В современном понимании речь идет о небрежности. Форму легкомыслия В. М. Хвостов не сформулировал.

Действовавшее в то время уголовное законодательство также содержало положения, посвященные формам вины правонарушителя. Нормы Уголовного уложения 1903 г. под умышленно совершенным преступным деянием понимали не только те ситуации, когда виновный желал его совершения, но также случаи сознательного допущения наступления последствия, обуславливающего преступность этого деяния. В свою очередь, преступное деяние считалось совершенным по неосторожности в тех случаях, когда виновный его не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть, а также в случаях, когда он предвидел наступление противоправных последствий, но легкомысленно рассчитывал их предотвратить³¹. Можно сделать вывод, что законодатель сформулировал деление форм вины весьма прогрессивно для рассматриваемого исторического периода. Более того, такая

интерпретация на сегодняшний день существует практически в неизменном виде.

В. М. Хвостов предложил достаточно интересный взгляд на объективную сторону деяния. Ученый отмечал наличие стадий оконченного преступления, покушения и приготовления³². (Данный подход сохранился по сей день как в отраслевом законодательстве, так и в общетеоретических исследованиях.) Оконченное деяние характеризуется осуществлением всех законных признаков правонарушения. Для покушения характерно то, что виновный совершил деяние, направленное непосредственно на осуществление признаков противоправного посяательства, не достигнув при этом полного их осуществления. В свою очередь, стадия приготовления квалифицируется в тех случаях, когда совершены только подготовительные действия, но еще не совершено комплекса действий, образующих состав правонарушения.

Подходы к раскрытию понятия стадий реализации преступного умысла в теории и на практике могут кардинально расходиться. Следовательно, необходимо сопоставить теоретические наработки В. М. Хвостова с соответствующими законодательными нормами. В Уголовном уложении 1903 г. под покушением понималось осуществление действия в целях приведения в исполнение преступного деяния, совершения которого желал виновный. Данное деяние не наступает по не зависящим от его воли обстоятельствам (ст. 49 Уложения). В то же время под приготовлением понималось приобретение или приспособление средства для приведения в исполнение преступного умысла (ст. 50 Уложения). Таким образом, стадия приготовления к совершению правонарушения В. М. Хвостовым была сформулирована в достаточно общем виде, однако ее суть была четко передана. Что же касается покушения, исследователь не упоминает, что именно не зависящие от преступника

²⁹ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 137.

³⁰ Хвостов В. М. Указ. соч.

³¹ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. (ст. 48). Издание Н. С. Таганцева. СПб., 1904. С. 92.

³² Хвостов В. М. Указ. соч. С. 139.

обстоятельства не позволили ему реализовать свои намерения.

Рассмотрев категорию правонарушения в психологической школе права, необходимо сформулировать ряд обобщающих умозаключений:

- представители психологического подхода к пониманию права мотивированно ассоциировали случаи посприятия правовых и нравственных норм с реакцией в области правовой психики;
- Л. И. Петражицкий сформулировал достаточно целостное представление о формах социального и государственного принуждения, а также о стадиях реализации субъективного права уполномоченными субъектами;
- В. М. Хвостов предложил формальную дефиницию правонарушения, ядром которой является противоправное поведение лица, а также сформулировал признаки деяния

(действия и бездействия), которые должны находиться в неразрывной взаимосвязи с волей и сознанием правонарушителя;

- в рамках субъективной стороны правонарушения формы умысла и неосторожности нашли свое выражение в конструкциях косвенного умысла и небрежности;
- теория объекта правонарушения, согласно постулатам психологической школы права, базировалась на нарушенном праве — частном или общественном интересе, выделение же административных правонарушений определялось особым публично-правовым статусом субъекта, их совершающего;
- представителями психологического подхода к пониманию права было заложено весьма четкое представление о стадиях правонарушения, к которым относились приготовление, покушение и оконченное противоправное деяние.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кашанина Т. В., Кашанин А. В.* Основы российского права. — М. : Инфра-М : Норма, 1996. — 784 с.
2. *Лифшиц А. С.* Краткий курс по энциклопедии права. По произведениям проф. Л. И. Петражицкого. — СПб., 1908. — 146 с.
3. *Макуев Р. Х.* Правонарушения и юридическая ответственность. — Орел : Юрид. институт МВД России, 1998. — 101 с.
4. *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М. : Юрид. лит., 1985. — 192 с.
5. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма: Инфра-М, 2015. — 464 с.
6. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — СПб. : Лань, 2000. — 608 с.
7. *Поцелуев Е. Л.* Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.) : монография. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. — 156 с.
8. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. — М. : Наука, 1994. — Т. 1. — 380 с.
9. *Хвостов В. М.* Общая теория права. Элементарный очерк. — Изд. 6-е. — М., 1914. — 160 с.

Материал поступил в редакцию 10 января 2019 г.

CATEGORY "WRONGDOINGS" IN PSYCHOLOGICAL THEORY OF LAW

EGOROV Aleksandr Aleksandrovich, PhD in Law, Lecturer of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Egorov.a90@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the category of a wrongdoing within the psychological theory of law on the example of the works of outstanding Russian thinkers, namely: Lev (Leon) Iosifovich Petrazhitskiy and Veniamin Mikhailovich Khvostov. The author analyzes the interrelation between morality and law in the context of consequences of their violations that are reflected in ethical experiences, relapses of ethical processes and their perception by others. The author investigates laws of psychology that distinguish law from morality and forms of their manifestations. The paper analyzes and examines the definition of a wrongdoing given by Veniamin M. Khvostov and describes its signs: an act, wrongfulness, competency of the wrongdoer. The author analyzes the views of the researcher concerning subjective and objective elements of the wrongdoing and their forms by comparing with the legislative norms that were in force at that time of the Criminal Code adopted on March 22, 1903. To sum up, the author has made conclusions on the ground of the analysis of issues under consideration.*

Keywords: *Wrongdoing, aspiration to enforce the right, odious and repressive principles of the legal psyche, act, competency, illegality, civil lie, criminal lie, administrative untruth, intent, negligence, completed crime, attempt, preparation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kashanina T. V., Kashanin A. V. Osnovy rossijskogo prava. — M. : Infra-M : Norma, 1996. — 784 s.
2. Lifshic A. S. Kratkij kurs po enciklopedii prava. Po proizvedeniyam prof. L. I. Petrazhickogo. — SPb., 1908. — 146 s.
3. Makuev R. H. Pravonarusheniya i yuridicheskaya otvetstvennost'. — Orel : Yurid. institut MVD Rossii, 1998. — 101 s.
4. Malein N. S. Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost'. — M. : Yurid. lit., 1985. — 192 s.
5. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnyk. — 5-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma: Infra-M, 2015. — 464 s.
6. Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. — SPb. : Lan', 2000. — 608 s.
7. Poceluev E. L. Evolyuciya kategorii «pravonarushenie» v istorii zapadnoj i otechestvennoj yuridicheskoy mysli (XVII — nachalo XX v.) : monografiya. — Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2004. — 156 s.
8. Tagancev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lekcii. Chast' obshchaya : v 2 t. — M. : Nauka, 1994. — T. 1. — 380 s.
9. Hvostov V. M. Obshchaya teoriya prava. Elementarnyj ocherk. — Izd. 6-e. — M., 1914. — 160 s.